

ГЛАВА 1

БЕЛЫЙ КАРП В СИНЕМ ЛОЙИЦУ

Заложить руки за спину. Подобраться. Склонить голову. Не менее чем на три секунды. Так нужно отдавать честь привилегированным манлио. Джеён сделал это беспрекословно, безупречно, со всем уважением и почитанием. Как и положено младшему правнуку сэнши. Хоть и ненавидел прадеда всей душой.

И, как и положено сэнши, прадед лишь коротко взглянул на подчиненного. Хоть и своего потомка.

Он горделиво прошептал вперед.

О Юма.

Джеён еще в детстве понял, что этот человек живет исключительно по заповедям духов. В согласии с ними. Он не позволял ни одной живой душе отклоняться от этих заповедей, нарушать традиции и устои. Не позволял и себе. Но, кажется, он загнал всех в круг и сам стал заложником.

Джеён не разделял его точку зрения.

О Юма заиклен, слишком деспотичен и холоден.

Он всегда держал спину ровно, а голову высоко. Все его движения — четкие, резкие. Садился он всегда одинаково: ловко расправлял лойицу, разглаживая взмахом широкие рукава. Он никогда не расслаблялся. Однажды в детстве Джеён с Хваном решили проследить за ним. Даже наедине с собой прадед следовал заповедям, традициям и устоям духов океана. Он не позволял себе лишнего: ни в движениях, ни в образе, ни в выражениях. Его слова порой были острее меча и резали куда больше. Он бил по фактам, медузы никогда не приносили ложные сведения.

Прадед был старым. Очень старым, но при этом невероятно живучим и сильным.

В среднем манлио живут максимум до двухсот лет. Прадед, скорее всего, доживет до трехсот, судя по его внешнему виду и силе хону.

О Юма был жилистым, седые волосы собирал в тугой узкий пучок и обматывал своим као-лемо. Пучок торчком стоял на голове, по особым случаям он обвязывал его праздничными лентами или продевал через него священные палочки. Тонкая борода-струйка спускалась до груди, он часто перебирал ее пальцами или наматывал на большой, когда голову посещали думы. Худое и гладкое лицо почти без морщин (в таком-то возрасте) имело правильные острые черты, его словно в пару легких движений высекли катаной. Под узкими глазами мешки, отчего всегда казалось, что прадед выглядит уставшим и невыспавшимся. Но он чтит традиции во всем, в том числе в режиме. Прямые седые брови он хмурил редко, но если это происходило, значит, дело шло плохо.

Он шел в шикарном фамильном синем лойицу, расшитом белыми узорами из шелковой нити, надетом поверх такой же синей футамы¹, горделиво вздернув подбородок.

А за ним, отставая на два шага, как и положено правой руке, шел Гу в хёчжо с образами медуз, вышитыми на фоне синего морского цвета.

Гу имел крупное телосложение, широкие плечи и тяжелую походку, отчего на каждом шагу словно перекидывал бревна, а не ноги. Коротко стриженные волосы, короткая толстая шея, тут же перетекающая в крепкие плечи. Гу — настоящий человек-бык: высокий, крупный, сильный. От одного его замаха уже можно было лечь на пол. А от удара — покинуть этот мир.

Правая рука главного мастера династии Масуми, как всегда, выглядел опрятно.

Джеён покорно и неторопливо следовал за ними. Они шли мимо сада, аккуратно выстриженных деревьев и кустов, невероятной красоты цветов и птиц, что сидели на ветках. Многие из этих растений и существ излучали свет. Тропинка из камней покрылась росой, и мелкие капли попадали на ботинки, когда Джеён задевал траву. Подол лойицу прадеда потемнел от влаги. О Юма грациозно шел впереди, рисунки морских волн переливались на роскошной ткани от его движений.

---

¹ ФУТАМА — распашная рубаха, надевается мастерами под хёчжо или лойицу.

Все шли молча, слушая пение птиц, стрекот цикад и журчание воды в ручейке, заваленном декоративными камнями, а местами и огромными валунами. Через кристально чистый ручей по всему саду были переброшены горбатые мостики с навесами от дождя и солнца. Всюду виднелись хёсэги¹ прадеда — белые карпы. Они плавали в ручейках и охраняли династию. Прадед был сам чибритуру, и если потребуется, его хёсэги обратятся в безликих воинов духов и защитят владения и самих жильцов.

Они дошли до столика на террасе перед входом в дом. Прадед сел. Ему подали керамическую чашу для омовения рук. Он молча оглядел правнука и, довольствуясь тем, что он выглядит подобающе случаю, жестом указал Джеёну сесть напротив него.

Темно-синее церемониальное хёчжо², расшитое морскими волнами, белоснежная футама и кичом³ в тон хёчжо. Одевание обхвачено широким белым поясом с вышитыми белыми узорами. Черные волосы Джеёна собраны в аккуратную гульку, подвязаны черной лобной лентой. На ногах ботинки из тонкой черной кожи.

Ни пылинки, ни складки, все с иголочки: традиционно, величественно.

И очень жарко.

---

¹ Хёсэги мастеров бывают четырех видов. У йосу это копия создателя в древних одеяниях, связанная с его хону. У докчаду — птицы, которые отслеживают цель и задерживают, облепив ее или создавая клетки. Хёсэги муши предстают в виде маленьких каменных круглых человечков. У чибритуру хёсэги постоянно находятся в режиме ожидания, они могут быть в виде рыб, птиц, каменных статуй, растений. В момент опасности они оживают, принимая человеческий облик. Из всех четырех видов только хёсэги йосу копируют облик создателя.

² Церемониальное хёчжо отличается от стандартного длиной и шириной рукавов. Рукава у него до кистей и подворачиваются у запястья. Часто мастера вшивают во внутреннюю сторону подворотов изделия, дающие энергию.

³ Кичом — свободные однотонные штаны из бязи.

Хотя все из легких материалов — бязи и шелка, в такую жару хотелось надеть обычные шорты и футболку. Джеён считал минуты, когда сможет заменить кожаную обувь на шлепки, и размышлял, почему нельзя было придумать к форме что-то вроде сандалий.

Он глянул на пустой стол. Джеён много раз сидел за ним на этой террасе, много раз получал здесь выговоры, похвалу и известия об очередной смерти членов семьи. Именно здесь он узнал, что Хван опять сбежал. Что мама бросила отца. И что она безродная шлюха, которая недостойна носить их фамилию. Все это он узнал здесь.

Как и то, что до этого мама была высокородной женщиной и талантливейшим шеф-поваром во всем Ши Хо.

За этим столиком, в этой одежде.

Ни этот столик, ни эту одежду Джеён не любил. Как только он надевал церемониальное хёчжо, срабатывал условный рефлекс — сейчас прадед скажет что-то плохое.

Невольно Джеён списывал эти чувства грусти и безысходности на вещи, окружавшие его в такие моменты. Перекалывал всю вину на них.

Этот столик Джеён ненавидел и презирал — заурядный, прямоугольный, с ошкуренной поверхностью. Его ни разу не красили, только аккуратно снимали верхний слой негрубой наждачной бумагой. Процесс шлифовки занимал целый день — потемневший слой снимали долго, осторожно.

Джеён кашлянул, прочистив горло, и сел на серый дзабутон¹, подбирая ноги. Подушка была неудобной. Требовалось время, чтобы привыкнуть.

Без промедления он обеими руками протянул прадеду корбочку с чернилами, склонив голову.

— Фамильные чернила, господин, — чеканно проговорил он.

Прадед не спешил забирать чернила. Руки не опустели. Джеён так и продолжал сидеть, вперив взгляд в лежащий на столешнице розовый лепесток абрикоса. Раздались шаги, на стол что-то поставили. Джеён неуверенно поднял голову

---

¹ ДЗАБУТОН — традиционная подушка для сидения на полу.

и увидел деревянный поднос, густо покрытый темным лаком. На подносе стояли пузатый глиняный чайник и две чашки ему под стать: такие же пузатые, но маленькие, три глотка будет достаточно, чтобы их опустошить. На узкой дощечке рядом лежали два бисквитных пирожных, щедро посыпанные сахарной пудрой. В разрезе Джеён увидел кусочки бордовой вишни в сиропе.

Он посмотрел на коробочку, которую все еще держал в протянутых руках, а после глянул на прадеда.

Тот выглядел удивленным. Он пренебрежительно окинул Джеёна взглядом, в котором явно читалось: этого недостаточно, чтобы я тебя простил.

Джеён не собирался возвращаться сюда. Не на тех условиях.

— Что? — Прадед отдернул рукав лойицу и потянулся к чайничку. — Так не терпится избавиться от них? Мм?

Голос его, как и всегда, был сильным, твердым и властным. А интонация — бесконечно самодовольная, уносящая его в такие неведомые дали величия, что хотелось извиниться за свое существование. Конечно, она была с щепоткой презрения.

Джеён неторопливо выпрямился и поставил коробочку на стол, смахнув с него лепестки цветков слив и абрикосов, что источали сладкий аромат. Эти деревья круглый год цвели и давали плоды, поскольку питались энергией духов. Джеён поднял пиалу двумя руками и протянул прадеду. О Юма стал наливать в нее светлый горячий чай. Глиняные стенки нагревались медленно.

— Прошу меня простить, господин. — Руки Джеёна никогда не тряслись, а голос не дрожал, когда он говорил с О Юма. Прадед это уважал. Он знал, что младший правнук боится не его, а его заданий.

Сэнши-кана ухмыльнулся и налил чай в свою пиалу.

— Осознаешь, какой чести ты был удостоен? — Прадед исподлобья смотрел на Джеёна, периодически отвлекаясь на чай. Он подул на чай, струйки пара подкосило, они мягко обволокли его костлявые пальцы, что сжимали пиалу. — Ты впервые вживую видишь Кровь Тени. Твои братья и некоторые дяди не дожили до этого дня. — Он отпил из чаши и вопросительно кивнул, заломив седую бровь. — Мм?

«И ты недолго проживешь, если что-то сделаешь поперек» — вот что прочитал Джеён в его глазах. Он прокручивал мысль о части чернил в пакетике из-под соевого соуса, которые он в спешке переливал из древней чернильницы, сидя в своем «Хенао», буквально за минуту до приезда прадеда.

Джеён ответил коротко:

— Да, господин.

И отпил из чаши. Чай, настоящий на цветках, с добавлением меда. Нежный и сладкий. Джеён сдул пар и сделал второй глоток. Пустой желудок просил не чай, а хорошей калорийной еды, мяса, овощей, морепродуктов и много-много сладостей на десерт к кофе, ну или даже к такому же чаю. Он так и не успел поест. Гу разбудил Джеёна почти впритык к приезду прадеда. Важнее было привести себя в порядок, а не утолить голод. Прадеду бы не понравилось, если бы наследник династии Масуми явился с ним на беседу не в идеальном виде.

Нужно было бы спросить, зачем прадед лично хотел видеть Джеёна, но создавалось ощущение, что он сам все скажет. А если нет, то мутить воду заранее или провоцировать его не хотелось. Мечта о том, что прадед забудет об этом диалоге, даже не рождалась.

Он ничего никогда не забывал.

* * *

— Он не вернется.

Кэсси сбилась со счета, сколько раз за сегодня она услышала эту фразу от Нессы. И каждый раз ее сердце сжималось.

Холодное окно изрисовал мороз, но Кэсси не отрывала головы от него. Последние лучи солнца совсем недавно опустились за заснеженный лес. Кэсси следила за ним, будто прощалась навсегда. Салон автобуса наполнял сизый сумеречный свет. Двигатель уже давно умолк, энергии в аккумуляторе оставалось совсем немного, а впереди долгая зимняя ночь. Патрик заводил двигатель, включал обогреватели, потом глушил, чтобы экономить. Но бензин закончился еще пару часов назад.

В автобусе было холодно. Кэсси топала ногами, чтобы разогнать кровь, сжимала пальцы, ходила по салону. Этого хватало минут на десять, а потом она снова замерзала.

— Он хочет, чтобы мы сдохли от холода и голода?!

— Ты раздражаешь, — пробурчала Кэсси, сунув руки в карманы порванного пуховика. Она пыталась хоть немного поспать. — Не нравится ждать — вали.

Несса скорчила недовольное лицо, но промолчала. Все знали, что ей некуда идти.

Мама так и сидела возле дяди Холджера. Патрик спал на переднем ряду сидений, натянув на глаза шапку. Ту самую шапку, прикоснувшись к которой Кэсси что-то увидела.

Несса вышагивала по проходу между сиденьями в автобусе. Она попрыгала на месте, растерла красные руки и попыталась согреть их дыханием.

— Серьезно! Как можно было нас бросить? Ради кого?

Никто не спешил ей отвечать. Имя Мики словно повисло в холодном воздухе. Все сидели и пытались сохранить тепло и силы. Несса цокнула и, потрепав волосы, раздосадованно задергалась всем телом, будто ее схватили судороги.

— Я ненавижу тебя, Дэвид Валери!

Кэсси безразлично посмотрела на нее и опустила взгляд на записку, которую отобрала у Патрика еще в самом начале пути. Корявые буквы подрагивали в замерзшей руке. Брат написал точный адрес, где его следует ожидать. Они добрались до обозначенного места достаточно быстро, но не подозревали, что ожидание затянется так сильно. Они встретили рассвет в автобусе, просидели весь короткий световой день в нем, изредка выходя на улицу справить нужду, и проводили скудные лучи солнца в том же автобусе. Голодные и замерзшие.

— Ты же сама выкинула пакеты с едой. — Кэсси старалась сохранять спокойствие, но все были на взводе из-за неопределенности и страха. — Боялась надорваться.

— Они меня тормозили. — Несса провела руками по взлохмаченным волосам и прижала их к шее. — А я хотела угнаться за манлио.

Несса призналась так легко, что Кэсси опешила. Она положила записку на пустую коробку конфет, которую они разделили на всех еще рано утром. Холджеру отдали бóльшую часть, так как он потерял много крови.

— Че вылупилась, Валери? Возле них безопасно.

— А чего ты с нами тогда, а не с ними? Не догнала?

— Девочки, не ругайтесь! — встряла мама. — Нам нужно помогать друг другу, а не спорить.

Между Кэсси и Нессой летали искры. Но они все же послушались.

Патрик опустил ноги на пол и сел прямо на сиденье. Он хотел поспать, но из-за шума не получалось. Патрик перебрался в салон, чтобы быть ближе к остальным. Хотя, как показалось Кэсси, он просто избегал руля, такая ответственность была для него слишком тяжела, будто он надеялся, что кто-то займет место водителя и решит все проблемы разом.

Манлио.

Кэсси признавала, что, когда они были рядом, их проблемы решались быстро. Интересно, попади они в такую ситуацию, что бы они предприняли?

Они бы не ждали Дэвида — это точно.

Нашли бы, где достать еду и теплое убежище, наверное.

Или просто отвезли бы их в безопасное место — в Ассамблею, по протоколу. Там бы их осмотрели специалисты, взяли кровь на анализы, маниши проверили бы демоническую энергию. Дядю Холджера и Кэсси взяли бы под стражу.

Хорошо, что сейчас здесь нет манлио.

С громким кряхтеньем Патрик провел по лицу ладонью.

— Я знаю, как проехать к нелегальному узлу, он ближе федерального, а благодаря отцу есть проходка. Назову фамилию, и пропустят. Ну, еще заплатить надо будет. — Он глянул на Кэсси, потом перевел взгляд на Кэтрин и Холджера и начал качать головой. — Дэвид не вернется, Несса права. Пока у нас есть силы, нужно уходить.

— И сколько до узла? — поинтересовалась Кэтрин. Она сидела далеко позади Кэсси, рядом с Холджером, которому за последнее время стало чуть лучше. Кэсси часто подходила к ним, проводывала дядю Холджера, немного разговаривала с мамой. Она все еще была на нее в обиде. Кэтрин, конечно, пыталась сгладить углы, но Кэсси понимала, что разговор будет нелегким.

— Отсюда? Километров восемьдесят, — робко ответил он.

Кэсси не стала садиться рядом с родными. Ей хотелось побыть одной, разобраться в своих мыслях и чувствах. Ближе к ночи она планировала вернуться к ним и прижаться, чтобы согреться. На соседнее сиденье она поставила тяжелый рюкзак, а на самый край положила белую выпотрошенную коробку конфет. Квадратная, с лаконичной размашистой надписью, будто из золота: «Moguagu»¹. Она не знала, на каком это языке, было похоже на шадерский.

Кэсси понадобился почти весь день, чтобы прийти в себя и перестать стучать зубами от страха и волнения за брата.

«За дебильного, идиотского брата!»

Перед глазами до сих пор мелькали воспоминания. Как он вышел из автобуса и дал деру к тому снегоходу. Спасать Мику. Кэсси хотела, чтобы он выжил. Чтобы Дэвид успел.

Она сжала ладони в кулаки. Скользящая ткань пуховика закрипела под пальцами. Розовый пуховик был уже совсем не розовым. Кэсси потрогала пальцем грязный синтепон, торчащий из дыры, и горько усмехнулась. Она так долго ждала этой покупки, даже успела заболеть, переохладившись в пальто, бегая с Нессой от манлио и собак. Дэвид так старательно выпрашивал у торговцев скидку. И ведь выпросил.

Кэсси потребовался почти весь день, чтобы осознать минувшие события. Но, наверное, не хватит и жизни, чтобы принять их. Элькарона больше нет. Ее семья скрывала от нее правду. Дэвид обрек себя на гибель. Она не могла забыть и о манлио яшуто, Масуми и чудесных чернилах, которые помогли дяде.

Святой Йонас.

Это первое, что вспомнила Кэсси, когда автобус отъехал от города. Она злилась на родных.

Прислонив голову к холодному стеклу, она крепко зажмурилась.

— Восемьдесят километров? И на чем ты собрался их преодолеть? — Недовольный голос матери заставил Кэсси открыть глаза.

---

¹ Благодарю/спасибо (шадерск.).

— Бензина нет. На своих двоих.

Патрик сжался, пряча руки в карманы. Все это время он выглядел подавленно, опустошенно. Потеря отца заметно сказалась на нем: красные опухшие глаза, севший голос. Патрик плакал прямо за рулем, и Кэсси несколько раз за поездку слышала, как он убивался, захлебываясь слезами. Он перестал плакать совсем недавно.

«То был сон или моя причуда», — урезонила себя Кэсси в ту же секунду, как только подсознание подкинуло размытые образы Патрика и его отца. В ушах отголосками зазвенели птичьи песни, зашелестела листва.

Так уж вышло, что она не знала, какие способности ей дарило полукровничество. Они были закрыты для нее, так впредь и должно оставаться, чтобы никого не подвергать опасности. Но, проведя почти весь день наедине со своими мыслями, Кэсси пришла к выводу, что эта защита сломалась в ней или как минимум дала трещину. Возможно, на это повлияли лихорадные, демоны или манлио.

Или чернила.

«Я полукровка. Я видела Патрика и его отца».

— На своих двоих? Ты в своем уме?!

— Кэти, перестань, милая, — ослабшим голосом Холджер пытался перебить ее, но Кэтрин продолжала:

— Выходить наружу опасно, даже здесь слышны крики демонов и лихорадных...

— Пойдем по дороге. Мы же слышали, как за лесополосой гудели двигатели — кому-то удалось выбраться из города. Они нас подберут...

— Патрик, не выводи меня!..

«Нас успокаивала, а сама завелась!»

— Кэти... — Холджер закашлял, не в силах договорить.

— А что вы предлагаете, Кэтрин? — Несса села за Кэсси и обернулась к задней части автобуса. — Сидеть здесь и ждать смерти? Дэвид не придет. Его уже давно сожрали лихорадные или красные обезьяны.

Все внутри сжалось, по телу пробежали крупные мурашки. Кэсси задержала дыхание, пытаясь отогнать ужасные мысли.